

ЧЕТЫРЕ ВСАДНИКА ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО АПОКАЛИПСИСА ¹

Бреммер Я.

Прошла половина 2014 года, но единственной примечательной чертой, международного ландшафта стало расширение геополитического конфликта. Почему это должно нас беспокоить? В чём заключается коллизия, что это значит для глобальной экономики? Что мы должны думать о геополитике?

Мои мысли на эту тему, окидывая взглядом на четыре ключевые геополитические части – находясь в Евразии, на Ближнем Востоке, в Азии и трансатлантической геополитике.

ГЕОПОЛИТИКА

Несколько лет назад я писал о корневых причинах геополитической нестабильности, которую сегодня переживает мир, новый, джи-нулевой мир, в котором Соединённые Штаты менее заинтересованы в обеспечении своего глобального лидерства, и никто больше не желает или не способен вступать в эту роль. Этот первичный вакуум предводительства противоречит ситуации конкуренции внешнеполитических приоритетов, становящихся всё более могущественными развивающихся рынков (с очень разными политическим и экономическими системами) и возглавляемой Германией Европы; вызовы системе международных отношений от находящейся в упадке ревизионисткой России, и трудности координации из-за количественного роста дееспособных государств и негосударственных игроков, даже в тех случаях, когда интересы совпадают. Всё это расшевелило напряжённости, доставшиеся нам в наследство от финансового кризиса: нестабильность по всему Ближнему Востоку после мертворождённой арабской весны; трёхлетняя сирийская гражданская война; провальная «перезагрузка» с Россией, нарастающий конфликт между Китаем и Японией; изнашивание американских союзов с такими странами как Бразилия, Германия и Саудовская Аравия.

И всё же геополитические проблемы не силь-

но изменили наши взгляды на глобальные рынки, поскольку каждый конфликт был небольшим и автономным (или побочные конфликты не воспринимались как очень значимые). Геополитика вызвала тревогу в кулуарах, но заслуживала не более чем беспокойства. Это необходимо изменить. Хотя события и воспринимаются как дискретные, рост геополитической напряжённости напрямую связан с креативным разрушением старого геополитического порядка. Это процесс, который набирает обороты, создавая в свою очередь кризисы ещё большего масштаба и ещё более широкую рыночную нестабильность. Сейчас мы достигли точки, когда ближайшие в среднесрочной перспективе последствия нескольких геополитических конфликтов могут стать главными двигателями геополитической экономики. Это верно в отношении конфликтов Россия/Украина, Ирака, Восточно- и Южно-Китайского морей, и отношений США/Европа. В каждом из них состояние статус-кво нежизнеспособно (хотя и по разным причинам). И, таким образом, как бы то ни было, пред нами четыре всадника геополитического апокалипсиса.

РОССИЯ/УКРАИНА

Перспектива потери Украины была последней каплей для российского правительства, которое последовательно теряло геополитическое влияние со времён коллапса Советского Союза, произошедшего более двух десятилетий назад. Москва рассматривает расширение НАТО, расширенную европейскую экономическую интеграцию, диверсификацию источников энергии и энергетическую революцию как прямые угрозы безопасности, которые необходимо принимать во внимание. Украина для Кремля – это также возможность... для президента Путина подбодрить ослабевающую базу поддержки дома.

Путин собирается усиливать экономическое и военное давление на Киев до тех пор, пока, как минимум, юго-восток Украины не окажется по существу под русским контролем. Последняя ответная попытка украинского правительства, одностороннее недельное прекращение огня

¹ Источник: <http://www.mauldineconomics.com/editorial/outside-the-box-the-four-horsemen-of-the-geopolitical-apocalypse>

на юго-востоке, приветствовалась вялой риторикой Путина, и было отвергнуто русскими сепаратистами региона, которые нарастили свои атаки на украинских военных. Тем временем тысячи русских военных, недавно отведённых от украинской границы, теперь были заново размещены на ней, основываясь на приказе Путина о переходе на усиленный вариант несения службы в этом регионе.

Это неблагоприятная для Киева альтернатива. Если они продолжат давление, насилие усилится, а русская поддержка расширится, что приведёт либо к разгрому украинской армии, либо повлечёт за собой серьёзные потери и потребует прямого «формального» ввода русских войск. Если они отступят – они потеряют Юго-Восток, критичный для их внутренней легитимности среди всего украинского населения. А украинская экономика всё это время расшатывается, поскольку большая часть её индустриальной базы отключена, вдобавок к российским санкциям на таможне, в торговле и газовых поставках.

Нарастающий конфликт приведёт к дальнейшему ухудшению российских отношений с США и Европой: перебоям в газовых поставках, увеличению расходов на оборону и координацию действий НАТО с Польшей и прибалтийскими государствами, волнениям вокруг Молдавии и Грузии, недавно подписавшими свои соглашения о европейской ассоциации... и «третий уровень» отраслевых санкций против России. Это, в свою очередь, означает серьёзные экономический спад в самой России... и ответные экономические последствия для самой Европы, которая гораздо больше зависит от России, чем США.

Последние несколько лет главные рыночные риски для Европы были экономическим: возможный коллапс еврозоны. Теперь об этом можно не беспокоиться. Первичный риск для Европы сегодня явно геополитический – разрастающийся русско-украинский конфликт ударит по Европе, в худшем случае загоняя континент обратно в рецессию.

ИРАК

Как и многое из мирового колониального наследия, многие ближневосточные границы работали только благодаря комбинации авторитарного светского правления и международной военной и экономической поддержке. Это, конечно, верно и для Ирака – до недавнего времени находившегося под контролем партии Баас, начиная

с 1953 года. Свержение Саддама Соединёнными Штатами и Великобританией 40 лет спустя, в сочетании с демонтажом почти всей военной и политической структуры, которая его поддерживала (в явном контрасте, к слову сказать, со свержением Хосни Мубаррака в Египте) подорвало территориальную целостность Ирака. С тех пор иракское правление могло функционировать лишь номинально, учитывая значительное присутствие американских войск, а также военную и экономическую помощь. Как только это было устранено, осталось мало чего такого, что бы обеспечило функционирование Ирака как страны.

Сектантство – это первичная форма подданства в сегодняшнем Ираке, как ограничивающая власть шиитского правительства Нури аль-Малики, так и образующая более тесные связи между иракскими суннитами, шиитами и курдским населением, а так же их братьями за пределами иракских границ. Как следствие, экстремизм внутри Ирака тоже резко возрос, в особенности среди лишённого сегодня права голоса суннитского населения – усугубившись в результате их тяжёлых потерь в войне против Башара Асада за пределами по большей части неопределённой границы с Сирией. Переломный момент наступил с обширным с наступлением группировки «Исламского государства Ирака и Леванта» (ИГИЛ) в течение последних двух недель, ускорив ход десятилетней экспансии межконфессионального насилия и этнических чисток между суннитами и шиитами. Сравнительно богатые и политически стабильные курды сделали всё что можно, для того чтобы держаться подальше от этих волнений, ухватившись за долгожданную возможность получения независимости де-факто.

Американский ответ был осторожным. Поддержка внутреннего военного противостояния в Ираке сильно уменьшилась, в то время как война продолжилась, а экономические и людские потери возросли. Обама неоднократно обещал положить конец оккупации и считал полный вывод войск главным достижением своей администрации. В том, чтобы взять на себя ответственность за этот кризис – мало положительных сторон. Позиция Обамы, соответственно, состояла в том, что любое прямое военное вмешательство требует смены правления от самих иракцев – первоначально звучащего как правительство национального единства и постепенно переходящему на смену правительству премьер-министра Малики. С призывом верховного шиитского аятолы Али аль-Систани к иракскому премьер-министру

расширить правительство, включив в него курдов и суннитов, давление на аль-Малики возросло.

Но Малики, успешно справившийся с конституционным кризисом и попытками покушений, не говоря уж о решительной победе в демократических выборах, вряд ли подчинится. ИГИЛ представляет угрозу для единства иракского государства, но не для правления Малики шиитским большинством населения, которое, если уж на то пошло, сейчас стало сильнее, чем до начала боевых действий. А ключевой международной спонсор Малики, Иран, слабо заинтересован в принуждении Малики к компромиссу до тех пор, пока не существует угрозы для Багдада: они видят своё стратегическое положение гораздо более выгодным при возглавляемым Малики правительстве Ирака, чем при более широко представленном правительстве, при котором они бы были одной из многих соревнующихся международных сил. Кроме того, даже если Малики и был готов действительно разделить власть с иракскими курдами и суннитами (то, что он сделал бы скорее формально под неформальным «влиянием» 300 американских военных советников, сейчас прибывающих в Багдад), вряд ли он хотел бы стать свидетелем большого энтузиазма в ответ на это предложение. Курды предпочитают придерживаться номинальной (а это более ясная дорога к возможной формальной) независимости; а лидерам суннитов, которые бы публично искали общие мотивы с Малики, было бы лучше побеспокоиться о том, чтобы ИГИЛ не отыскала членов их семей.

В отсутствие каких-либо существенных военных действий со стороны американцев (или кого-либо ещё) иракское правительство едва ли способно отстранить от власти ИГИЛ и, соответственно, восстановить контроль над суннитскими и курдскими областями страны. Это приведёт к значительному увеличению экстремистского насилия проистекающего со стороны исламского мира, тенденция, которая уже значительно ухудшилась за последние годы (хотя чиновники администрации Обамы заявили, что кибер-атаки для национальной безопасности США представляют величайший риск – утверждение, которое президент Обама опроверг во время своей речи в Вест-Поинт), с 2010-го, численность боевиков-джихадистов удвоилась, а количество атак аль-Каиды утроилось.

Сочетание сложных экономических условий, религиозного руководства и революции средств коммуникации, наделяющая полномочиями ин-

дивидуумов посредством сужения политических и идеологических призм, будут всё это, скорее всего, расширять. Это не только представляет большую угрозу стабильности для бедных рынков ближневосточных стран, но также будет трансформироваться обратно в растущую террористическую угрозу, направленную против западных активов в регионе и за его пределами. Что, в свою очередь, создаст потребность повышения безопасности расходов и большие опасения по поводу жирного террористического следа в развитом мире, особенно в южной и западной Европе (где большое число не интегрированного и безработного мусульманского населения будет представлять собой ещё более прямую угрозу).

Более широкий риск состоит в том, что конфликт между суннитами и шиитами метастазирует в одну, более широкую войну. ИГИЛ провозглашает исламское государство на всей суннитской территории Ирака и Сирии, становясь эпицентром спонсирования терроризма и вербовки по всему региону.

Саудовское правительство осуждает отсутствие международного участия как в конфликте, так и в прямом противостоянии всё более чувствительному и открытому влиянию Ирана на правление в Иране и Сирии. Соединённые Штаты завершают всеобъемлющую ядерную сделку с Ираном и заявляют о победе (но это реально не работает в случае с Ираном и Ираком), избегая растущих разногласий между двумя основными силами Ближнего Востока.

Совет по сотрудничеству стран Персидского залива стал распадаться, как только его члены увидели возможности в совместных экономических проектах с Ираном. Иранские «советники» в Ираке трансформируются в вооружённые силы; Саудовская Аравия публично выступает против ИГИЛ, но саудовские деньги и вооружения попадают в их руки, а изобилие неформальных связей всплывает на поверхность. Растёт милитаризация между осмелевшим Ираном и более изолированной, занявшей оборонительную позицию Саудовской Аравии. Вот когда геополитическая плата за цены на энергоносители становится серьёзной.

ВОСТОЧНОЕ/ ЮЖНО-КИТАЙСКОЕ МОРЯ

Украина и Ирак – два главных геополитических конфликта. Но есть ещё две геополитические точки напряжения с участием крупнейших экономик, которые становятся значимыми.

В Азии, это следствие (и реакция на) всё более могучий и самоуверенный Китай. Рост влияния Китая на протяжении долгого времени остаётся самой важной геополитической новостью. Но как минимум сегодня, китайский рост является по большей части возможностью для всего остального мира. Для Ближнего Востока это принципиально новый источник энергетический источник, поскольку Соединённые Штаты становятся всё более энергонезависимыми. Для Африки – наилучшая возможность отстроить давно желанную инфраструктуру по всему континенту. Для Европы и даже для Соединённых Штатов – это критически важный источник кредитования и поддержки валют и ключевой производитель дешёвых товаров. Нельзя утверждать, что в каждом из этих заявлений нет оговорок (или что количество таких оговорок не растёт – оно растёт), но в целом Китай сначала рассматривался этими игроками скорее как возможность, чем как угроза, и так и остаётся ею на сегодняшний день.

В Азии же растущий Китай всегда рассматривался скорее как обоюдоострый меч. Сравнительно большое влияние китайской экономики всегда переводилось в большее политическое влияние Пекина (формальное и неформальное) за счёт других государств этого региона. Тем временем резкий рост военной мощи Китая фундаментально изменил баланс сил в Азии; это осталось практически без внимания в других местах.

Военная напористость Китая возросла также и на его задворках. В других районах мира Китай продолжает преподносить себя как бедную страну, которой необходимо сфокусироваться на стабильности и своём собственном развитии.

На Востоке и Юго-востоке Азии у Китая есть ключевые интересы, которые он защищает, и он всё более расположен поставить под сомнение статус-кво, поскольку его влияние асимметрично возросло.

Ясней всего это продемонстрировал случай с Вьетнамом, куда Китай отправил свою нефтедобывающую платформу для бурения скважины в спорных водах непосредственно у берегов Вьетнама, в сопровождении нескольких сотен китайских рыболовных судов. На прошлой неделе они заявили, что разместили там ещё четыре. Неудивительно, что вьетнамским ответом стали резко антикитайские демонстрации, волнения, усиление военно-морского присутствия в регионе и координация действий с Филиппинами.

Ничто из этого само по себе не создаёт политического риска: Вьетнам не является союзни-

ком Соединённых Штатов и поэтому вызывает меньшую поддержку и ответ из Вашингтона, чем Филиппины или Япония... и именно поэтому Пекин решил, что это лучшее место для начала смены регионального баланса в регионе.

Но Токио считает иначе. Японское правительство понимает, что растущий Китай – это надолго, и это гораздо более угрожающая проблема для её собственной безопасной позиции в Азии, и оно не готово ждать до тех пор, пока его позиция ещё больше ослабится, чтобы выразить беспокойство. Поэтому Синдзо Абе заявил о своей поддержке безопасности Вьетнама.

С американской стороны Обама отверг официальный «разворот» в Азию. Но администрация продолжает верить, что центр американских интересов безопасности, сейчас и в будущем, находится в Азии, и если Китай значительно нарастит напряжённость в Восточно- и Южно-Китайском морях, США навряд ли будут сидеть так же праздно, как они это делают в Сирии и Украине.

Хорошие новости состоят в том, что – в отличие от тех стран, которые нагнетают напряжённость в Евразии и на Ближнем Востоке – Китай политически стабилен и не выглядит международной угрозой. Но реалии китайского роста, в сочетании с сильной ведущей ролью Японии и (со временем) Индии, наряду с мощным американским фактором будут способствовать созданию гораздо более беспокойной геополитической обстановке в этом регионе.

Основная опасность для рынков – это то, что произойдёт, если китайское правительство перестанет придерживаться этой концепции. Приверженность президента Си Цзинпина трансформационным экономическим реформам была сильна в первый год его правления, и он получил удивительно слабый отпор от закоснелых элит.

Но неопределённость вокруг китайской около-среднесрочной линии движения гораздо больше, чем по поводу таковой у любой другой из главных мировых экономик. В случае возникновения в Китае существенной нестабильности, несомненно правдоподобный сценарий, – готовность Китая предпринять гораздо более напористую (и более рискованную) стратегию безопасности в этом регионе, продвигая национализм теми же методами, которыми Путин выстроил с недавних пор свою базу поддержки, – станет гораздо более вероятным. И тогда Восточно- и Южно-Китайские моря переместятся в верхнюю часть нашего списка.

США-ЕВРОПА

И, наконец, трансатлантические отношения.

Передовые промышленно развитые экономики с консолидированными институтами и политической стабильностью, здесь нет ничего похожего на геополитический конфликт, который мы наблюдаем в настоящее время на Ближнем Востоке, в Евразии или Азии. Геополитическая напряжённость долгое время отсутствовала в трансатлантических взаимоотношениях, величайшем успехе альянса НАТО. Не смотря на периодическое несогласие в Европе с американской военной политикой и политикой в обеспечении безопасности как во времена Холодной войны, так и после неё (войны в Ираке, израильско-палестинский конфликт, борьба с терроризмом и тому подобное), европейские страны никогда не рассматривали необходимость расширения сотрудничества в области безопасности в качестве противовеса членству в НАТО.

Но изменяющийся характер геополитики создаёт раскол между Соединёнными Штатами и Европой. Американская мировая гегемония состояла из двух составляющих: экономической и безопасности, и именно коллективная безопасность являлась стержневым элементом, связывающим воедино трансатлантический альянс. Это больше не так: в результате цепочки смены приоритетов у американцев и европейцев, и эволюции мирового порядка (Россия/Украина – главный всплеск, но не единственный), трансатлантические взаимоотношения гораздо менее выровнены экономически.

И это не просто расхожее мнение. Большинство обозревателей говорит, что после Буша американская политика сегодня выглядит более европейской – менее милитаристской, более многосторонней. Но, на самом деле, политика США не становится более европейской, скорее она становится более похожей на китайскую. Она менее сосредоточена на военных вопросах, за исключением тех, которые представляют особо важные вызовы безопасности (в которых Соединённые Штаты действуют без особой нужды советоваться с союзниками), в то время как американская экономическая политика склоняется к односторонним действиям по поддержанию привилегированного американского геополитического положения – что, грубо говоря, видно по нашей манере накладывать санкции (сегодня более 20-ти банков – в основном европейских – обложены штрафными санкциями на более 15-ти млрд. долларов)

и по политике слежки АНБ (учитывая нежелание США сотрудничать с Германией по предложенному ей соглашению о взаимном «отказе от шпионажа»)

Трансатлантический экономический диссонанс является также свидетельством большого числа более фундаментальных разногласий: американского подхода «рост превыше всего» к спаду в экономике, в сравнении с немецкой фиксацией фискальной отчётности. Более тесное взаимодействие между европейскими правительствами и корпорациями по вопросам индустриальной политики, в противоположность децентрализованному, возглавляемому частным сектором (а подчас и поглощённой им) американским политическим окружением.

Более гибкий экономически побуждаемый подход европейцев к Китаю, России и другим развивающимся рынкам; правительство США кажется больше сосредоточено на руководящими США «универсальными» принципами промышленного шпионажа, авторского права и т.д.

Как настаивает теория Джи-нулевого мира (мира отсутствующего правительства), мы станем свидетелями того, как Соединённые Штаты позаботятся о том, чтобы навязать более односторонние экономические стандарты, по поводу которых европейцы возмущаются и которым сопротивляются; в то время как европейцы смотрят на другие страны больше как на стратегический баланс американской экономической гегемонии (в этом отношении особенно критичны немецко-китайские взаимоотношения, но это также правильно в том, что касается европейской готовности поддерживать американскую экономическую политику в России и на Ближнем Востоке). Всё это означает гораздо меньший «универсализм» (с американской точки зрения) и большую «многовекторность» (с точки зрения европейской). Суммарное стремление к нулю в трансатлантических взаимоотношениях – это серьёзная перемена в геополитической обстановке; предвестник истинной многополярности, но в промежутке – более фрагментированный и гораздо менее эффективный глобальный рынок.

* * *

Так вот, я рассматриваю геополитическое пробуждение как ключевой фактор для глобальных рынков – гораздо в большей степени, чем когда бы то ни было после окончания Холодной войны. Здесь есть хорошие и плохие новости.

Хорошие новости заключаются в том, что ни один из этих геополитических рисков, скорее всего не будет иметь на рынок такого влияния, которое оказывали на него макроэкономические риски после финансового кризиса. Для этого существует масса причин. Низкий уровень процентных ставок и непрерывный рост США и Китая – плюс выходящая из рецессии еврозона – наравне с неудовлетворённым спросом на инвестиции, ведущим к значительному оптимизму, который геополитике будет не так легко сбить.

История энергетического спроса-предложения в основном «медвежья», так что геополитические риски Ближнего Востока не образуют устойчиво высоких цен. Рынки понятия не имеют, каким образом правильно оценивать эти геополитические

риски; они не так чётко рассматриваются аналитически, поэтому инвесторы не обращают на них слишком много внимания (прежде чем и до тех пор, пока это не понадобится).

Плохие новости... заключаются в том, что само отсутствие давления рынков означает, что политические лидеры не будут чувствовать необходимости разрешить эти кризисы, даже если они разрастутся, в особенности это касается Соединённых Штатов. Это ещё одна причина, по которой мировые геополитические кризисы будут оставаться за пределами, при которых аналогичный экономический кризис разразился бы до того, как будут предприняты серьёзные меры для их смягчения. Эти геополитические факторы будут только возрастать. Настало время обратить на них внимание.